

Марья Гавриловна

Марья Гавриловна — героиня повести А.С. Пушкина «Метель», сюжет которой (равно как «Барышни-крестьянки») рассказан Белкину девицей К. И. Т. Марья Гавриловна — «стройная, бледная и семнадцатилетняя» дочь добрейшего помещика Гаврилы Гавриловича Р*** из села Ненарадова; имеет романическое воображение (подобно рассказчику и герою «Выстрела», героям «Барышни-крестьянки», самому Белкину), то есть мыслит литературными формулами, воспринимает жизнь как романную фабулу. Мир провинциальной читательницы французских романов и только что (к началу действия повести) появившихся русских баллад раскрывается перед читателем.

Естественно поэтому, что когда, в конце 1811 года («в эпоху, нам достопамятную» — накануне Отечественной войны) в Марью Гавриловну влюбляется бедный армейский (то есть не принадлежащий к гвардейской элите) прапорщик, а родители смотрят на него косо, она замышляет нечто романное. Планируется тайное венчание, после которого, как полагается, последует сначала кульминация — родительский гнев, а затем развязка — прощение и призыв: «дети! придите в наши объятия!» Все обставлено соответственным образом — написаны письма подруге и родителям, запечатаны тульской печаткой («два пылающие сердца с приличною надписью»); накануне ночью героиню преследуют во сне балладные видения, — и вдруг наутро после побега читатель обнаруживает Марью Гавриловну дома, в ее собственной постели, только несколько бледную. На следующий день она занемогает.

Инсценировка «романа» в жизни не удалась. Вполне балладная метель, сбившая с пути жениха, Владимира, как некая стихия Провидения, вторглась в задуманный ими «сюжет». «Живая жизнь» предложила развязку настолько литературную, настолько прихотливую, что в «настоящем» романе она показалась бы надуманной, неправдоподобной. (До поры до времени подробности не раскрываются.) Пережив известие о смерти Владимира от ранения на поле Бородина, а затем и смерть отца, Марья Гавриловна переезжает в другое наследственное имение, становится богатой невестой, но отвергает всех женихов, — как Пенелопа, ждущая своего Одиссея. Намеки на странность ее положения содержатся в сравнениях рассказчика; если до сих пор Владимир сравнивал ее с девственной Лаурой из сонетов Петрарки, то теперь рассказчик сравнивает ее с древнегреческой героиней — «девственной Артемидой». Делается это в надежде, что грамотный читатель обратит внимание на некоторую несообразность (Артемиды была одновременно и девственницей, и вдовой не успевшего «познать» ее галикарнасского царя Мавзола, которому хранила верность) и уловит намек на непростые обстоятельства. Но — по законам новеллы — все разъясняется только в финале. Близ имения Марьи Гавриловны в 1815 году поселяется раненый полковник Бурмин «с Георгием в петлице и с интересной бледностью». Романическое сердце Марьи Гавриловны не выдерживает; но романическое же сознание продолжает работать в заданном направлении. Она ведет дело к решительному объяснению — не ради возможного брака, а вопреки ему; Марья Гавриловна вновь заготовила красивую развязку. (Конечно, тоже романическую.) Однако напрасно она воображает себя героиней романа (пруд, ива, белое платье, обязательная книга в руках, гусар); напрасно припоминает первое письмо St-Preux из романа Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (соответственно, представляя себя замужней Юлией, чьим платоническим другом после ее свадьбы стал прежний возлюбленный Сен-Пре). В момент объяснения оказывается, что Бурмин и есть тот самый «незванный жених», которого балладная метель в декабре 1811 года случайно занесла в жадринскую церковь и с которым (как наконец-то узнает читатель) Марья Гавриловна была по ошибке обвенчана той страшной

ночью. В 1815 году они не узнали друг друга — ибо виделись лишь одно мгновение (подняв глаза на человека, ставшего ей мужем, Марья Гавриловна тотчас упала в обморок, а Бурмин уехал). Вновь развязка, которую предлагает героям таинственный ход жизни, рушит все их замыслы — и вновь оказывается куда более литературной («романической»), чем может себе позволить «правдоподобная» литература. А Марья Гавриловна превращается в героиню истории, которую не могла бы и выдумать.

Сюжетных аналогов у положений, в которые попадают герои «Метели», множество — от повести В. Панаева «Отеческое наказание (Истинное происшествие)», 1819 (барчук Каллист «в шутку» занимает место жениха в момент венчания невесты-крестьянки; после пяти лет отсутствия возвращается; влюбляется в «племянницу» соседки Ейлалию; не может жениться, ибо женат; в конце концов, выясняет, что это и есть его жена, воспитанная отцом как барышня), до комедии Лашоссе «Ложная антипатия», 1733. Но сами герои, их переживания, «правда страстей», аналогов не имеют; традиционный сюжетный фон резко оттеняет неповторимость образов.